

«Осень» А.С. Пушкина как риторическое произведение

"Autumn" A.S. Pushkin As A Rhetorical Work

Погадай Е.В.

Старший преподаватель кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет
e-mail: eldragileva@gmail.com

Pogaday E.V.

Senior Lecturer of Department of Russian Language, Rostov State University of Economics
e-mail: eldragileva@gmail.com)

Аннотация. В статье стихотворение А.С. Пушкина «Осень» рассматривается с позиции риторического подхода, отыскиваются точки соприкосновения между предполагаемым «романтизмом» пушкинской поэтики и риторическими формами ее воплощения, пушкинский текст сопоставляется с положениями учебника «Общей риторики» Н.Ф. Кошанского. Это сопоставление позволяет сделать вывод о возможностях риторического анализа поэтического текста, но и продемонстрировать взаимодействие установок жанра «отрывка» с риторической основой текста.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, риторика, Н.Ф. Кошанский, жанр отрывка, поэтика, романтизм, классицизм, топика, композиция.

Abstract

The article explores the poem by A.S. Pushkin "Autumn" from the position of a rhetorical approach. Points of contact are found between the alleged "romanticism" of Pushkin's poetics and the rhetorical forms of its embodiment. Pushkin's text is compared with the provisions of the textbook "General Rhetoric" by N.F. Koshansky. This comparison allows us to draw a conclusion about the possibilities of a rhetorical analysis of the text.

Keywords: A.S. Pushkin, rhetoric, N.F. Koshansky, genre of excerpt, poetics, romanticism, classicism, topic, composition.

На протяжении долгого времени в литературоведении и в истории литературы считалось, что поэзия пушкинского времени (и шире – романтическая поэзия в целом) – явление глубоко чуждое риторическим предписаниям. Так, А.П. Рогачевский в монографии, посвященной риторическим основам поэтики Пушкина, говорит о подобных представлениях (несовместимости романтической «индивидуалистской» поэтики и риторических предписаний) как об общем месте [8: 1]. Н.И. Михайлова в книге «Витийства грозный дар» пишет о «проблеме соотношения творчества Пушкина с теорией и практикой ораторского искусства его времени» как о «неизученной» [5: 4].

Вопрос о взаимодействии риторического начала и романтических установок авторов первой половины XIX в., тем не менее не кажется праздным, так как «Аристотелевы правила», очевидно, не могли быть отвергнуты бесследно и безболезненно. Л.Я. Гинзбург подчеркивала разность романтической и традиционно-риторической поэтических систем, заключавшуюся в принципе отбора форм выражения: заранее заданные формы предполагала традиционалистская поэтика, в то время как романтическая поэтическая система была настроена на поиск новых, еще не известных и не описанных форм [2: 15]. Взгляд на романтическую поэтику как на особую новую художественную систему, «освобождающую» лирического субъекта (Творца) от требований стиля, жанра, композиции и других, более частных «требований», ни в коем случае

не оспаривается в настоящей работе. Однако, как нам кажется, существует необходимость в разграничении сфер влияния «поэтики» и «риторики», которые, очевидным образом, смешиваются в приводимых выше суждениях. Существуют исторические предпосылки для подобного неразличения, о которых писал В.В. Виноградов. Описывая «Риторика» начала XIX в. (в частности, «Риторика» А.Г. Глаголева и И.С. Рижского), ученый подчеркивает принципиальное для авторов разделение словесности на «естественную» прозу и поэзию, «чрезмерно живо поражающую красотами слова». Для учебников риторики более поздних (1820-1830 гг.) характерна, по замечанию В.В. Виноградова, тенденция к постепенному «скрещиванию» поэтических и прозаических форм в «риториках», появляющихся в 1820-30-х гг. [1: 78] Именно эта тенденция в рамках настоящей работы выступает как формальное «разрешение» на применение риторической оптики к поэтическому тексту. В «Общей реторике» Н.Ф. Кошанского проблемы взаимодействия риторики и поэтики сформулированы следующим образом: «Прозу противопоставляют стихам, но забывают, что древние противопоставляли стихам не прозу, которой не знали, а периоды, и что в Средние века – когда узнали прозу – противопоставляли ее не только стихам, но и периодам. Должно отличать прозу безискусственную (безграмотную) от изящной. Безграмотная не знает никакого искусства, изящная употребляет все усилия, чтобы казаться безискусственной. – Обе согласны в том, что ни та, ни другая не употребляют ни стихов, ни периодов, но первая потому, что их не знает, вторая – потому, что хочет от них отличиться. Первая не умеет писать, вторая пишет новым способом между стихами и периодами. Первая редко нравится, вторая пленяет нас и часто восхищает как поэзия» [3: 65]. По мысли Н.Ф. Кошанского стихи и проза (и соответственно, поэтика и риторика) не могут быть однозначно противопоставлены, так как между ними находится еще один, едва ли не важнейший, риторический способ высказывания – период.

Сложный комплекс вопросов, связанный с одной стороны с взаимодействием «романтической» и «рационалистической» систем координат в литературе, а с другой – разграничение собственно риторических установок и правил, сформулированных в классицистических «поэтиках», очевидно, требует разрешения. Первыми попытками преодолеть сопротивление «общего места» («романтизм и риторика – "две вещи несовместные"») стали упомянутые выше работы А.П. Рогачевского, Н.И. Михайловой, а также Н.Н. Петруниной, С.В. Шервинского и др. Так, в работе Н.И. Михайловой представлен подробный анализ риторического «ареала», в котором находился Пушкин: «С какими произведениями ораторских жанров мог познакомиться Пушкин-лицеист, читая газеты и журналы 1812-1814 годов? Это были манифесты, воззвания, приказы, рескрипты, речи, проповеди, пастырские наставления – причем им отводилось в газетах и журналах значительное место...» [5: 27]. Здесь очевидно, что ораторское искусство понимается равнозначным «витийству» и, соответственно, автор исследования сосредоточен на анализе жанров, отчетливо вписывающихся в традиции «витийства» («Вольность» 1817, «Деревня» 1819, «Кинжал» 1821 и др.). Другой полюс пушкинской лирики, демонстрирующий связь с риторической традицией, – пародийный (эпиграммы, «ода», посвященная Хвостову, арзамасская речь и др.). И если в первом случае – «витийства» – риторическая «пафосная» основа «вшивалась» в поэтическое произведение, то во втором случае – «пародии» эта основа служила предметом иронической рефлексии лирического субъекта. Характерно, что об «Оде графу Хвостову» Ю.Н. Тынянов пишет: «“Ода графу Хвостову” явилась полемическим ответом воскресителям оды, причем пародия на старинных одописцев явилась лишь рамкою для полемической пародии на современного воскресителя старой оды Кюхельбекера и на защитника новой оды Рылеева. «Ода» в малом виде осуществляла проект Пушкина о *Revue des Bévues*» [9: 115].

Из положений, описанных выше, следуют, как минимум, следующие вопросы: сводится ли «риторичность» Пушкина исключительно к пародийным или «витийственным» формам? Возможно ли вообще «риторическое» оформление жанра «романтического», предельно далёкого от собственно ораторских прозаических жанров? Можно ли смотреть на лирическое произведение, крайне далекое от привычных риторических форм «витийства» или пародии, сквозь призму риторического анализа?

В первом приближении кажется, что риторическая оптика не подходит для описания лирического текста, тем более, жанра «отрывка», к которому относится пушкинская «Осень». А.Е. Махов указывает на принципиальную особенность романтического «отрывка» (в приведенной работе обозначения «фрагмент» и «отрывок» являются синонимичными): «фрагмент – не просто текст, у которого нет начала и конца. Это текст, который структурирован иначе, чем обычный текст. Он весь фрагментарен, он фрагментарен внутри себя. И здесь очень важна теоретическая работа романтиков над отменой традиционных представлений о связях, которые были в классической риторике.

Согласно Квинтилиану, хорошая речь – это речь, в которой все части связаны между собой так, чтобы стыки не просвечивали. У романтиков, наоборот, всё просвечивает, ничего не смыкается» [4: 2] С.А. Бойко утверждает, что жанр отрывка призван воспроизвести «в режиме реального времени» процесс создания текста, и установка на принципиальную незавершенности является одной из жанровых доминант отрывка [Бойко С.А. Лермонтовская энциклопедия: вчера и сегодня].

Жанр отрывка, принципиально аструктурный, в случае с «Осенью» все же имеет условные «начало» (в виде эпиграфа из «Жизни Званской» Г.Р. Державина) и «конец» (XII строфа и «черновое» окончание строфы).

Строфы со II по V представляют собой своеобразный апофазис (последовательное перечисление всех времен года и выбор одного из перечисленных). Сама отправная точка стихотворения – рассуждение о временах года – вполне согласуется с предписаниями «Общей реторики» Н.Ф. Кошанского, согласно которым любое описание может начинаться обращением к самому предмету речи, местом, случайностью и временем (в том числе временем года) [3: 71].

В «Осени» фрагменты экфрастические (т.е. собственно «описания», если следовать терминологии Кошанского) попеременно чередуются с «повествованием», однако даже включение в описание «действий» (или картин по Кошанскому) вписано во вневременной идилический топос благодаря использованию инфинитивов вместо личных глагольных форм, существительного «бег» вместо глагола-действия (такие замещения преобразуют «повествовательную» часть стихотворения в продолжение описательной, экфрастической: «<...> Как легкий бег саней с подругой быстр и волен// <...>...Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек! / Кататься нам в санях с Армидами младыми / Иль киснуть у печей за стеклами двойными» [7: 380].

У Кошанского к «способам изобретения мысли» относятся следующие источники: «Всякое предложение распространяется до известных только пределов, назначаемых умом и вкусом. – И вот способы к его распространению: первый род источников изобретения – а з б у к а р е т о р и к и. – Их десять. Первые три – синонимы, эпитеты и противные – служат к приисканию слов. Последние семь известных вопросов – к прибавлению выражений и кратких обстоятельств. Вот семь известных вопросов: кто? что? где? при чьей помощи? для чего? каким образом? когда? – На вопрос кто? всегда отвечают подлежащим, на вопрос что? – всегда сказуемым, а на прочие вопросы приискиваются приличные, краткие ответы» [3: 43]. Пушкинский стих выбирает из первой категории эпитеты, с помощью которых определяется, «атрибутизируется» описываемая реальность: «<...> Последние листы с нагих своих ветвей; / Дохнул осенний хлад <...> // <...> И страждут озими от бешеной забавы, / И будит лай собак уснувшие дубравы // <...> Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек! / А зимних праздников блестящие тревоги?» [7: 380].

«Осенний хлад» в I строфе выступает элементом «формульным» (ср. у В.А. Жуковского: «<...>В осенний хлад и летний зной / Он с верным псом на ловле» или «И ветхий дом, где мы в осенний хлад / Святой союз любви торжествовали»), то в стихе из III строфы происходит метонимическое «перепутывание»: «блестящий» в поэтической традиции, скорее, должен относиться к «праздникам», а не к «тревогам» – в поэтической традиции того времени «праздник» требовал рядом с собой эпитета в форме согласованного или несогласованного определения (и часто это определение носило «метафоризирующий» характер: «шумный» праздник, «праздник юности», «праздник весны», «светлый праздник» и т.д.).

Если первой категории «источников изобретения мыслей» пушкинский текст вполне соответствует, то со второй категорией – средств распространения предложения – возникают весьма примечательные трансформации. Прежде всего, синтаксическое устройство «Осени» акцентирует внимание читателя на пропусках: нет требуемого риторическими установками распространения в «экфрастических» строфах, подлежащее изъятию из «описательных» стихов, а действия переданы формами абсолютного настоящего времени глаголов.

Строфы V-VII представляют собой разворачивающееся сравнение, своеобразный антаподозис, начинающийся с сопоставления осени с «нелюбимым дитя» и «чахоточную девою», VI строфа начинается с объяснения причины (*causa*), по которым лирический субъект предпочитает осень остальным временам года: «<...>Как это объяснить? Мне нравится она, / Как, вероятно, вам чахоточная дева / Порою нравится...». Отметим здесь интересное пересечение, имеющееся между пушкинским образом «чахоточной девы» и строками из стихотворения А.И. Полежаева «Погребение» 1826 г.: «Я знал ее – она, играя, / Цветок недавно мне дала, / И вдруг, бледнея, увядая, / Как цвет дареный, отцвела» [6: 104].

Композицию «Осени» можно изобразить как последовательный переход от описания через повествование к рассуждению: точка зрения лирического субъекта, перемещается с внешних границ описываемого в пределы воображенья: «То тлеет медленно – а я пред ним читаю / Иль думы долгие в душе моей питаю <...> // И забываю мир – и в сладкой тишине / Я сладко усыплен моим воображеньем...» [7: 382]. В XI строфе предельно подробно описан процесс творчества: анадиплозис (повтор слова «перо») передает значимую последовательность действий, риторический прием здесь становится «графическим» отображением процесса пересечения границ внешнего и внутреннего мира стихотворения. Крайне важным представляется конец стихотворения, заканчивающийся (в соответствии с жанровыми установками «отрывка» апосиопезисом – обрывом, резким приостановлением потока речи как раз в момент «пересечения границ»). Однако в собрании сочинений Пушкина приводятся черновые строфы, встающие на место конечных пропусков в X и XII строфах, перечисляющие список «знакомцев», встающих перед взором поэта, и страны, в которые можно было бы «плыть» в воображаемом путешествии. Список «знакомцев», созданный по принципу амплификации – намеренного расширения поэтического текста, так же, как и список стран, включающие в ткань стихотворения хронотопическую аксиологию, в итоге, в белой рукописи стали лишними, возможно, в силу своей избыточной конкретности. Тем не менее сам факт существования этих черновых стихов укладывается во вполне традиционное композиционное членение поэтического высказывания.

Таким образом, можно утверждать, что «Осень», будучи произведением крайне далеким по установкам относительно классицистической лирики, демонстрирует многие значимые элементы риторического канона (причем на разных уровнях – топики, композиции и элокуции). Риторическая основа, как нам кажется, в данном случае является важнейшей составляющей поэтического мира стихотворения. Это, в свою очередь, дает основания предполагать, что «риторическая» оптика может применяться не только по отношению к текстам, заведомо «риторическим», *a priori* имеющим риторический потенциал, но и к текстам, на первый взгляд, явно далеким от риторических установок.

Литература

1. *Виноградов В.В.* О художественной прозе. – М.; Л.: Наука, 1930. – 186 с.
2. *Гинзбург Л.Я.* О лирике. – Л.: Сов. писатель, 1974. – 408 с.
3. *Кошанский Н.Ф.* Риторика. – Электронный ресурс: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** (Дата посещения: 30.04.2021).
4. «Фрагмент и цикл» / Материалы круглого стола в Институте мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ РАН) // Культурологический журнал. – 2014. – №1 (15). – Электронный ресурс: http://cr-journal.ru/files/file/04_2014_14_51_02_1397559062.pdf. (Дата посещения: 30.04.2021).

5. Михайлова Н.И. Витийства грозный дар. – М.: Русский путь, 1999. – 416 с.
6. Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. – М.: Сов. писатель, 1987. – 584 с.
7. Пушкин А.С. Стихотворения 1823-1836 // Собрание сочинений в 10 томах. – М.: ГИХЛ, 1959-1962. – Том 2. – 799 с.
8. Рогачевский А.П. Риторические традиции в творчестве А.С. Пушкина. – М.: Пушкинский кабинет ИРЛИ, 1994. – 174 с.
9. Тынянов Ю.Н. Архаисты и Пушкин // Пушкин и его современники. – М.: Наука, 1968. – С. 23-121.